

темнее, то и не прояснилась. А между тем еще В. В. Капнист удивительно просто и правдоподобно перевел это место: „всю ночь с вечера бусовы вороны каркали у Пленска на выгоне, усевшись в дебри Кисановой, и не сошли к синему морю“.¹ Позже М. А. Максимович² трактовал это место реалистически, а за ним Д. Дубенский предложил тоже довольно правдоподобный перевод: „Всю ночь с вечера бесовы бороны каркали у самого Плесньска на выгоне были дебри Кисаня, а я, будто бы, не в силах его прогнать к синему морю“.³

Местоположение болони в пойме Днепра под Киевом было указано еще в первом издании. В. В. Капнист предложил гипотезу о том, что Плесньск „селение за Подолом, за Кириловский монастырь продолжающееся, и ныне называется Плоское“.⁴ Путем переписки с киевским губернским почтмейстером И. С. Бажановым, упомянутый исследователь пытался выяснить значение слов Плесньск и дебрь Кисаня.⁵

После этих реалистических толкований и стремлений наступил период искажения „темного места“. Макушев⁶ предложил „дебрь Кисаню“ первого издания читать „дебрские сани“, „не сошлю“ заменили „не сошася“. Удивительно, что эти необоснованные толкования нашли многих последователей и удержались в литературе свыше 80 лет до настоящего дня. Как только ни переводили „дебрь Кисаню“: то — змеи, то лесные змеи, то змеи ущелий, то похоронные сани! Значительный вред правильному толкованию Сна принесло сообщение Р. Заклинского,⁷ будто бы им найдена вблизи Плеснисько в Золочевском повите на Львовщине „дебрь Кисаню“. Это сообщение как бы подтверждало предположение первых исследователей, искавших Плесенск в Галицком княжестве. Однако вскоре Ив. Франко (1906) высказал сомнение в правильности сообщения Р. Заклинского, а Щурат (1907), побывав в указанных местах, решительно опроверг существование „дебри Кисаню“ в Золочевском повите.

К правильному толкованию Плесенска возвратился А. В. Лонгинов.⁸ Повидимому, независимо от В. В. Капниста, он пришел к заключению, что Плесенск находился под Киевом „на болони у озера Ерданского“. Подвергнув пересмотру высказывания по поводу дебри Кисаню и Плесенска, автор этих строк пришел к выводу, что дебрь Кисаню — искажение дебри Кияни, находившейся в овраге, по которому

¹ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 338.

² Песнь о полку Игореве. ЖМНП, 1836—1837.

³ „Слово о полку Игореве Святослава песнотворца старого времени“, 1844, стр. 123.

⁴ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 375.

⁵ Там же, стр. 321 и 323.

⁶ Рецензия на 1-е изд. „Слова“. ЖМНП, 1867, цит. по В. Перетц: „Слово о полку Игоревим“, стр. 259.

⁷ Пояснения одного темного місця в „Слові о полку Игоревім“. „Діло“, Львів, 1906, стр. 45.

⁸ „Слово о полку Игореве“. Одесса, 1911, стр. 70.